

РЕКС СТАУТ

И быть подлецом
·
Тройные хлопоты

АЗБУКА

Санкт-Петербург

И БЫТЬ ПОДЛЕЦОМ

...Надо записать,
Что можно жить с улыбкой и с улыбкой
Быть подлецом...

У. Шекспир. Гамлет. Акт 1, сцена 5¹

¹ Перевод М. Лозинского. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ГЛАВА 1

Я в третий раз проверил результаты сложения и вычитания на первой странице формы 1040. После чего развернул свой стул лицом к Ниро Вулфу, который сидел за своим письменным столом справа от меня со сборником стихов парня по имени Ван Дорен, Марк Ван Дорен. В связи с чем я решил щегольнуть поэтичным словом.

— Беспросветно, — сказал я, а когда Вулф не отреагировал, повторил: — Беспросветно. Если я правильно понимаю смысл этого слова. Беспросветно!

Вулф, не отрывая глаз от страницы, пробурчал:

— Что именно беспросветно?

— Цифры. — Я подтолкнул к нему форму 1040 по отполированной столешнице.

— Тринадцатое марта. Четыре тысячи триста двенадцать долларов и шестьдесят восемь центов, помимо четырех квартальных взносов, по финансовым обязательствам уже уплачены.

— Тогда нам остается отправить форму 1040-ES за тысяча девятьсот сорок восьмой год, приложив к ней чек на десять тысяч баксов. — Я сцепил пальцы в замок на затылке и мрачно спросил: — Так беспросветно или нет?

Он спросил меня, каков наш банковский баланс, и я ему все рассказал.

— Конечно, — согласился я, — мы пока сможем отразить два удара упомянутого выше дядюшки Сэма

и даже позволить себе краюшку хлеба с тонким слоем селедочной икры, но недели идут, а счета все приходят, я уже не говорю, чтобы не показаться неделикатным, о нашей с Фрицем и Теодором зарплате.

Отложив в сторону томик стихов, Вулф насупился на форму 1040, делая вид, будто считает. Тогда я решил немного повысить голос:

— Впрочем, вам принадлежит этот дом и мебель, за исключением кресла и прочих предметов обстановки в моей комнате, которые я купил на свои деньги. Но вы здесь босс, так что вам виднее. Само собой. Птенчик из электрической компании готов был отвалить вам штуку баксов плюс расходы за решение его проблемы с подлогом, но вас это не заинтересовало. Миссис Как-Ее-Там могла заплатить вдвое больше, целую кучу денег, чтобы вывести на чистую воду того так называемого музыканта, но вы были слишком заняты чтением. Адвокат по фамилии Клиффорд оказался в заднице и вынужден был потратиться на частного сыщика, но вам не понравилось, что у него перхоть. Та актриса и ее покровитель...

— Арчи, заткнись!

— Слушаюсь, сэр. И что вы делаете? Позавчера вы спускаетесь в кабинет, проведя целый день со своими прекрасными орхидеями, и как ни в чем не бывало велите мне выписать еще один здоровенный чек на поддержание штанов мирового правительства. А когда я позволил себе робко заметить, что бухгалтерское дело имеет два основных направления: сперва сложение, а затем вычитание...

— Выйди из комнаты!

Огрызнувшись, я снова повернулся лицом к своему письменному столу, поправил пишущую машинку, вставил лист бумаги с копиркой и начал перепечатывать из сводной бухгалтерской таблицы перечень G до шестой строки перечня C. Время шло, и я продолжал

работать, время от времени бросая быстрые взгляды направо — проверить, хватило ли у Вулфа наглости продолжить чтение. Не хватило. Он закрыл глаза и откинулся на спинку огромного кресла, в котором могли бы спокойно уместиться двое, но не в данном случае, оставшись сидеть неподвижно. Обстановка накалялась. Мысленно усмехнувшись, я продолжил работу. И вот уже когда я заканчивал перечень F, дойдя до 16-й строки перечня C, раздался грозный рык Вулфа:

— Арчи!

— Да, сэр? — Я снова развернулся в кресле.

— Человеку, презиращему подходящий налог, поскольку он нервирует его или вводит в такие расходы, что человек начинает щериться по-собачьи, расплачивается потерей привилегии цивилизованного разговора. Однако вполне позволительно критиковать налоговую систему беспристрастно и обезличенно. Правительство, как и любой человек, тратит деньги по трем причинам: потому что вынуждено это делать, потому что хочет это делать или потому что ему ничего другого не остается. Последняя причина — самая неубедительная из всех. И конечно, не может не вызывать вопросы тот очевидный факт, что существенная часть этого потока миллиардов, поступающих в Министерство финансов, в результате будет потрачена по самой неубедительной причине.

— Понятно. Итак, мы что-то вычитаем? И как это сформулировать?

Вулф приоткрыл глаза:

— Ты уверен в своих цифрах?

— Даже слишком.

— А ты здорово смухлевал?

— Не слишком. Все в рамках приличия.

— И я должен заплатить названные тобой суммы?

— Или так, или никаких привилегий.

— Отлично! — Вулф вздохнул, на минуту задумался и выпрямился в кресле. — Проклятье! Было время, когда мне хватало тысячи динаров в год. Соедини меня с мистером Ричардсом из Федеральной радиовещательной компании.

Я нахмурился, пытаюсь угадать, а затем, понимая, что сидеть выпрямившись требует у Вулфа значительных затрат энергии, нашел в телефонной книге нужный номер, набрал его и, воспользовавшись именем Вулфа, соединился с Ричардсом меньше чем за три минуты — рекордное для вице-президента время. Вулф взял трубку и, обменявшись приветствиями, произнес:

— Мистер Ричардс, два года назад, когда вы вручали мне чек в моем кабинете, вы сказали, что, несмотря на внушительный размер суммы в чеке, вы по-прежнему в неоплатном долгу передо мной. Итак, я осмеливаюсь просить вас об ответной любезности. Мне нужна кое-какая конфиденциальная информация. Сколько денег уходит, скажем, в неделю, на радиопрограмму мисс Маделин Фрейзер?

— О... — В разговоре возникла пауза; голос Ричардса, очень теплый, даже дружелюбный, стал чуть-чуть холоднее. — Но вы-то какое имеете к этому отношение?

— Никакого. Ни в коем случае. Но я был бы весьма признателен за конфиденциальную информацию. Или я слишком многого прошу?

— Ситуация для мисс Фрейзер, радиовещательной сети и заинтересованных спонсоров складывается крайне неудачно. Надеюсь, вы сообразовоите объяснить мне, почему вас это интересует.

— Полагаю, что нет, — отрезал Вулф. — Простите, что побеспокоил...

— Вы меня ничуть не побеспокоили. Я всегда к вашим услугам. Интересующая вас информация не опуб-

ликована, но все на радио в курсе. На радио вообще все обо всем знают. Но что конкретно вам нужно?

— Вся сумма, задействованная в проекте.

— Ну... давайте посмотрим... учитывая эфирное время, программа передается двумястами радиостанциями... продюсирование, талант, сценарии и прочее... примерно тридцать тысяч долларов в неделю.

— Чепуха! — отрезал Вулф.

— Почему же чепуха?

— Проект гигантский. Более полутора миллиона в год.

— Нет. Около миллиона с четвертью с учетом летних отпусков.

— Предположим, что так. Полагаю, мисс Фрейзер получает приличный кусок этого пирога, да?

— Очень даже приличный. И это тоже все знают. Она получает пятьсот в неделю, а вот как она делится со своим менеджером мисс Коппел, никому не известно, по крайней мере мне. — Голос Ричардса снова потеплел. — Послушайте, мистер Вулф, не откажите в любезности сообщить мне чисто конфиденциально, зачем вам эта информация.

Однако Ричардсу удалось добиться лишь слова «спасибо», и, будучи истинным джентльменом, он не стал настаивать на ответной любезности. Вулф положил трубку и сказал мне:

— Боже правый! Миллион двести тысяч долларов!

Я сразу же приободрился, поняв, что он задумал, ухмыльнулся в ответ:

— Да, сэр. Вы наверняка добьетесь успеха на радио. Например, сможете читать стихи. Кстати, если хотите знать, как она зарабатывает на свой кусок пирога, можете послушать ее каждое утро вторника и пятницы с одиннадцати до двенадцати. И сразу поймете, что к чему. Вы ведь этого хотите, да?

— Нет! — грубо ответил Вулф. — Я хочу заниматься работой, которую умею делать. Доставай свой блокнот. Инструкции будут немного сложнее, принимая во внимание непредвиденные обстоятельства, которые придется учесть.

И я вынул из ящика блокнот.

ГЛАВА 2

В субботу после трех безуспешных попыток дозвониться по манхэттенскому номеру Маделин Фрейзер я наконец обратился за помощью к Лону Коэну из «Газетт», и он нарыл для меня, что и мисс Фрейзер, и ее менеджер мисс Дебора Коппел проводят уик-энд в штате Коннектикут.

Как и все законопослушные граждане — очень законопослушные, — я желал удачи полицейскому управлению Нью-Йорка в их борьбе с преступностью, но искренне надеялся, что инспектор Кремер и его специалисты из убийного отдела не закроют дело Орчарда, прежде чем мы узнаем детали. Судя по заметкам в газетах, инспектору Кремеру было еще рано трубить в победные фанфары, хотя никогда не знаешь, какую информацию полиция предпочла утаить. Тем не менее я настроился смотаться в Коннектикут и провести там уик-энд, но Вулф мне это строго-настроено запретил, велев ждать до понедельника.

К полудню воскресенья Вулф, закончив свой сборник поэзии, принялся рисовать лошадей в блокноте для записей, тем самым проверяя теорию, что по тому, как человек рисует лошадь, можно определить его характер. Я заполнил формы 1040 и 1040-ES налоговой декларации, положил вместе с чеками в конверт и отправил. После ланча я немного послонялся по

кухне, слушая, как Вулф и Фриц Бреннер, шеф-повар и жемчужина нашего дома, спорят на тему о том, можно ли заменить ставридой средиземноморский тунец в вителло тоннато. В исполнении Фрица это самый изысканный деликатес, который готовится из нежнейшей телятины. Когда их спор уже начал меня утомлять, поскольку у Фрица в любом случае не было средиземноморского тунца, я поднялся на верхний этаж, в построенную на крыше оранжерею, где и провел пару часов с Теодором Хорстманом, изучая записи всхожести. После чего, памятуя о том, что в свете свидания с дамой у меня нет на это времени, я спустился в кабинет, взял со своего стола газеты за пять дней и прочел все, что там было, по делу Орчарда.

Закончив чтение, я практически не сомневался, что в понедельник утренние газеты вряд ли ошарашат меня новостью о закрытии данного дела.

ГЛАВА 3

Максимум, чего мне удалось добиться по телефону, — это договориться о встрече в 15:00, поэтому именно в это время я вошел в вестибюль многоквартирного дома в районе Семидесятых улиц между Мэдисон и Парк-авеню. Дом был настоящим дворцом, с коврами, которые покупались акрами, однако эффект от них немного портила резиновая дорожка на самом проходе, поскольку тротуары были мокрыми от дождя. Нет, во дворцах так точно не делается. Если на ковре появляется отпечаток грязной подошвы, выкиньте к чертовой матери ковер и постелите другой! Вот это и есть настоящий дворцовый дух.

Я сообщил внушительного вида швейцару, что меня зовут Арчи Гудвин и я направляюсь в квартиру

мисс Фрейзер. Швейцар вытащил из кармана клочок бумаги, сверился с записью, кивнул и спросил:

— Что-нибудь еще?

Вытянув шею, я поднес губы к самому его уху и прошептал:

— Овсянка.

Он снова кивнул, махнул рукой лифтеру, стоявшему в пятнадцати шагах от лифта, и произнес хорошо поставленным голосом:

— Десять В.

— А ну-ка расскажите мне поподробнее об этой шутке с паролем, — попросил я. — Так всегда было или пароль ввели после этой истории с убийством?

Швейцар наградил меня ледяным взглядом и повернулся ко мне спиной. Тогда я сказал, обратившись к его спине:

— Это обошлось тебе в пять баксов. А ведь я собирался дать тебе пятерку.

С лифтером я решил вообще не общаться. Он согласился. На десятом этаже я оказался в коробке размером с лифт, еще одна дворцовая обманка, на двери слева значилось 10А, на двери справа — 10В. Лифтер дождался, когда я нажму на кнопку звонка правой квартиры и меня впустят внутрь.

Впустившая меня женщина, которая лет двадцать назад вполне могла быть чемпионом по рестлингу, буквально с порога заявила:

— Простите, но я очень спешу, — и тут же рысцой кинулась прочь.

Я крикнул ей вслед:

— Меня зовут Гудвин!

Но не получил никакого ответа.

Тогда я сделал еще четыре шага, снял пальто и шляпу, кинул их на стул, после чего огляделся по сторонам. Я оказался в большом квадратном помещении наподобие холла, с дверьми слева и в стене напротив.

Справа не было ни дверей, ни стены, холл расширялся, переходя в гигантскую гостиную, обставленную не менее чем двадцатью предметами разномастной мебелировки. Мой натренированный глаз обладал способностью ухватить всю картину целиком — от сложной уличной сцены до пятна на мужском воротнике, и хорошо все запомнить, но за описание этой комнаты я запросил бы двойную цену. Двумя наиболее примечательными предметами обстановки были хромовая барная стойка, обитая красной кожей, с табуретами в цвет и массивный темный ореховый стол с резными краями и ножками. Именно барная стойка и стол наиболее ярко отражали дух этого места.

В поле зрения никого не было, но я слышал голоса. Я прошел вперед выбрать себе подходящий стул, чтобы сесть, но, не найдя подходящего, устроился на диване десять на четыре фута из зеленой рогожки. Стоявший рядом с диваном стул был обит расшитым розовым шелком. И я уже было начал гадать, какую лошадь нарисовал бы человек, обставлявший эту комнату, когда дверь в дальней стене отворилась и в квадратный холл вошла компания из двух мужчин — один был молодым и красивым, а другой — немолодым и лысым, — оба нагружены фотографическим оборудованием, включая треногу.

— Она выдает свой возраст, — сказал молодой.

— Черт с ним, с возрастом! — ответил лысый. — На ней убийство. На тебе когда-либо висело убийство? — Заметив меня, он спросил своего компаньона: — А это еще кто такой?

— Понятия не имею. Никогда его раньше не видел. — Молодой человек попытался открыть входную дверь, не растеряв поклажи, в чем и преуспел, после чего входная дверь закрылась.

Через минуту открылась другая дверь холла, и на пороге появилась женщина-рестлер. Она направилась

в мою сторону, но, поравнявшись со мной, поспешно прошла мимо и исчезла за дверью в углу слева от меня.

Мне уже начало казаться, что мной пренебрегают.

Прошло еще десять минут, и я всерьез разобиделся. Я встал, сделал пару шагов к выходу, но тут открылась дверь в дальнем конце холла, и я остановился. Появившаяся женщина подошла ко мне, причем не рысцой, а легкой походкой, со словами:

— Мистер Гудвин? — (Я ответил утвердительно.) — Я Дебора Коппел. — Она протянула мне руку. — У нас здесь у всех просто голова идет кругом.

Она преподнесла мне два сюрприза. С первого взгляда ее глаза показались мне маленькими и невыразительными, но, когда она повернулась ко мне лицом, я обнаружил, что они большие, очень темные и безусловно пронизательные. И поскольку Дебора была низенькой и толстенькой, я ожидал, что ее рука будет рыхлой и влажной, но рука оказалась твердой и сильной, хотя и маленькой. Черное платье Деборы подчеркивало землистый цвет ее лица. Да и вообще, все, связанное с ней, было черным или серым, за исключением почти белоснежной седины, пробивавшейся в иссиня-черных волосах.

— По телефону вы сказали мисс Фрейзер, что у вас имеется предложение для нее от Ниро Вулфа.

— Совершенно верно.

— Она очень занята. Впрочем, как всегда. Я ее менеджер. Вы не против изложить мне суть вашего предложения?

— Я бы с удовольствием, — ответил я. — Но я работаю на мистера Вулфа. А он велел мне переговорить лично с мисс Фрейзер, но теперь, когда я встретил вас, готов рассказать все ей и вам.

Она улыбнулась. Улыбка была дружелюбной, но взгляд стал еще более острым.

— Отличный рекламный ход, — одобрительно сказала она. — Не хочу, чтобы вы из-за меня нарушали инструкции. Это надолго?

— Зависит от обстоятельств. Примерно от пяти минут до пяти часов.

— Только не пять часов. Если можно, покороче. Сюда, пожалуйста.

Она направилась через квадратный холл, я — следом за ней. Мы миновали комнату неясного предназначения, где стояли фортепьяно, кровать и холодильник, а затем, пройдя через дверь в углу, оказались в большой комнате с шестью окнами — три на одной стене и три на другой. Все предметы обстановки, которую отнюдь не назовешь скудной, были или бледно-желтыми, или бледно-голубыми. Голубая мебель и деревянные детали, а ковры, обивка, занавески, покрывало — голубые и желтые. Единственным исключением стали корешки книг на полках и одежда сидевшего в кресле молодого блондина. Лежавшая на постели женщина вписывалась в общую цветовую гамму голубыми тапочками и лимонным халатом.

Блондин поднялся нам навстречу, буквально на ходу изменив выражение лица. Если сперва он мрачно хмурился, то сейчас его глаза приветливо сияли, а уголки рта сложились в улыбку, способную заставить продавца щеток почернеть от зависти. Похоже, блондин улыбался исключительно в силу привычки, но улыбка осталась без ответа, так как на сей раз именно я собирался кое-что продать.

— Мистер Гудвин, — представила меня Дебора Коппел. — Мистер Медоуз.

— Билл Медоуз. Зовите меня просто Билл. Как и все. — Его рукопожатие оказалось неискренним, хотя рука была сильной. — Значит, вы и есть Арчи Гудвин? Очень приятно! Теперь лишь остается ждать знакомства с самим Ниро Вулфом!

Его прервало чье-то звучное контральто:

— Мистер Гудвин, у меня сейчас время отдыха, и мне не разрешают вставать. И даже разговаривать не разрешают, но скорее рак на горе свистнет...

Я подошел к кровати и взял протянутую Маделин Фрейзер руку. Маделин улыбнулась. Но не проницательной улыбкой, как у Деборы Коппел, или искусственной ухмылкой Билла Медоуза, а очень тепло и сердечно. Взгляд серо-зеленых глаз мисс Фрейзер не казался оценивающим, хотя она явно пыталась меня оценить, в чем я не сомневался. Она была стройной, но не тощей и в лежачем положении выглядела довольно высокой. Ее лицо, без следов косметики, отнюдь не вызывало желания отвернуться — чертовски хорошо для женщины около сорока, а скорее, далеко за сорок, тем более что лично я не вижу особого смысла глазеть на тех особ женского пола, кому уже за тридцать.

— Знаете, — сказала мисс Фрейзер, — мне уже давно хотелось... Билл, принеси стулья... Пригласить Ниро Вулфа в качестве гостя в свою программу.

Она произнесла это как опытная радиоведущая: разорвав фразу, чтобы она звучала естественнее, однако интонационно оформив ее таким образом, чтобы она дошла до слушателей любого возраста с соответствующим уровнем умственного развития.

— Боюсь, — ухмыльнулся я, — он не согласится, если только вы не протянете провода, чтобы вести трансляцию прямо из его кабинета. Вулф никогда не выходит из дома по делу, его оттуда и на аркане не вытащишь.

Я сел на один из стульев, что принес Билл, а они с Деборой Коппел устроились на двух оставшихся.

— Да, я в курсе. — Маделин Фрейзер перевернулась на бок лицом ко мне и выставила бедро, обтянутое тонким желтым халатом, сразу показавшись чуть